

# **XVII Шлангенбадские беседы**

## **Россия, Европа и Запад: новый раскол**

Шлангенбад, 28-30 апреля 2014 года

Организаторы

Филиал Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва  
Гессенский фонд исследований проблем мира и конфликтов, Франкфурт-на-Майне

в сотрудничестве

Институтом мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО)  
и Фондом им. Конрада Аденауэра в Российской Федерации, Москва

Протокол

Ксения Груша

Вера Рогова

XVII Шлангенбадские беседы целиком прошли под знаком украинского кризиса и его огромных последствий для отношений между Россией и Западом. Как констатировал в своем вводном слове **Ханс-Йоахим Шпангер**, нынешний кризис российско-европейских отношений – самый глубокий после окончания «холодной войны». Тем больше интерес к нынешним Шлангенбадским беседам, по интенсивности он сравним с вниманием, которое было проявлено к форуму во время косовского кризиса. И тогда, отметил **Шпангер**, напряженность между Россией и НАТО была очень высокой. Тем не менее, эта тема была продуктивно обсуждена в ходе встречи в Шлангенбаде. Нынешняя ситуация, конечно, имеет существенные отличия от балканских событий, поскольку кризис разыгрался не на дальних западных подступах к зоне российских интересов, а в ее центре. **Шпангер** подчеркнул, что события на этот раз в решающей мере определяются Москвой, в то время как Запад демонстрирует беспомощность и, с российской точки зрения, погружается в хаос санкций – подобно России в 1999 году. Тем не менее, **Шпангер** выразил надежду на продуктивную дискуссию, участники которой, опираясь на 16-летний опыт Шлангенбадских бесед, смогут выявить как точки соприкосновения и возможности для сотрудничества, так и очертить взаимные границы. **Александр Дынкин** согласился с тем, что шлангенбадская встреча является лучшим форумом для обмена мнениями в кризисных ситуациях, поскольку эти встречи опираются на сложившееся за многие годы доверие, высокопрофессиональную аудиторию и участие представителей разных государств. Наряду с анализом и обсуждением событий в Украине и вокруг нее в центре внимания XVII Шлангенбадских бесед оказался также поставленный **Александром Дынкиным** и **Маттиасом Платцеком** вопрос о том, какие совместные усилия могли бы предпринять Россия и Европа, чтобы преодолеть глубокий кризис украинского государства, который не только дестабилизирует страну, но и грозит вызвать – вокруг этого тезиса разгорелся острый спор – новую «холодную войну».

## Секция 1

### Европа во время и после украинского кризиса

С учетом остроты ситуации и огромного влияния, который украинский кризис оказывает на всех участников, этому конфликту были посвящены три секции конференции. Их участники анализировали ситуацию в разных тематических аспектах. Первая секция была посвящена в первую очередь влиянию кризиса на Европу и отношения между Россией и Западом. Участники второго заседания сосредоточили внимание на рассмотрении событий прошедших месяцев, а также на роли отдельных игроков. На последней секции организаторы призвали участников к обмену мнениями о возможных стратегиях преодоления кризиса.

В самом начале первой секции **Александр Дынкин** изложил оценку событий в Киеве и Украине, которая нашла широкое распространение в России и поэтому может способствовать пониманию политической реакции Кремля. Сначала докладчик, правда, заметил, что западные оценки и информирование европейской общественности о протестах не свободны от субъективности. Роль некоторых политических движений, по мнению **Дынкина**, можно правильно оценить лишь в ретроспективе, так что поспешные оценки здесь неуместны. В России события в Украине большинством наблюдателей были восприняты как государственный переворот, в ходе которого экстремисты из Западной Украины расширили свое влияние. Уже опыт второй мировой войны, когда западно-украинские подразделения воевали на стороне Гитлера против Советского Союза, обусловил у российского населения недоверие к этому региону.

Настороженность вызвал, с точки зрения Кремля, также тот факт, что Арсений Яценюк сформировал не правительство национального единства, а «правительство победителей». Принятие украинским парламентом новых законов о языках было также воспринято очень негативно, поскольку они подвергали дискриминации русский язык и привели бы к дальнейшему обострению этно-социальной напряженности на востоке страны. Для России боязнь антирусских настроений и усиления правых партий стало важным определяющим фактором для принятия внешнеполитических решений. Еще одна проблема состоит, с точки зрения российского правительства, в стратегической конкуренции за Украину и постсоветское пространство между Россией и Западом. После свержения ориентированного на Россию правительства Януковича, по мнению Кремля, было разрушено равновесие в пространстве, тесно связанном с Россией в культурном, историческом и политическом плане. Поэтому однозначную позицию Кремля в данном конфликте – в том числе поддержку вызвавшего споры референдума в Крыму – надо воспринимать как необходимую реакцию на украинские события и действия Запада.

Эти оценки вызвали живую дискуссию о роли внешних игроков в украинском конфликте. Российская сторона критиковала в первую очередь действия США, указывая на то, что политика Вашингтона уже давно повышала вероятность конфронтации между Россией и Западом. На риторику США зачастую влияет, как считают российские эксперты, внутривнутриполитическая борьба между республиканцами и демократами, что может иметь роковые последствия в таких взрывоопасных ситуациях как кризис вокруг Украины.

Критической переоценки требует также роль США как ключевого члена НАТО, считают российские участники. Некоторые участники встречи указали на то, что причины напряженности возникли еще более десятилетия назад, еще до провала российско-западных отношений в связи с интервенцией НАТО на Балканах в 1999 году. Этот провал вызвал в российском МИД чувство беспомощности, между обеими сторонами возникла атмосфера отчуждения. Российская сторона указала, кроме того, на неправомерную с ее точки зрения иракскую войну 2003 года, затеянную США и с энтузиазмом поддержанную многими европейскими государствами, а также на такие события последних лет как операции в Ливии и Сирии. Эти примеры показывают, что внешняя политика Запада игнорирует действующее международное право, если того требуют его собственные интересы, и не чурается прямого вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Такие действия подрывают, как считает российская сторона, международное право, и сила снова может стать инструментом политики. Как заметил **Владимир Назаров**, предпринятые Соединенными Штатами попытки «смены режима» - будь то в Афганистане, Ираке или Ливии – не привели к стабильности и прекращению насилия в этих государствах. Скорее там возникли «псевдодемократии», которые хотя и поддерживают сотрудничество с Западом, но не могут обеспечить устойчивый мир.

Что касается Украины, то влияние Запада также привело к дестабилизации, считают российские участники. Эскалация демонстраций на Майдане, приведшая к всплеску насилия, была обусловлена, в частности, медийной и политической поддержкой, которую участникам протестов оказывали Европа и США. Российская сторона подчеркнула, что в любом случае следует укреплять международное право при соблюдении принципа невмешательства. Только так, по ее мнению, можно обеспечить стабильность мирового порядка и избежать обострения конфронтации между региональными силами в Восточной Украине.

В то время как российские участники встречи подвергли политику Запада острейшей критике, немецкая сторона также отметила некоторые упущения со стороны Европы и США. Прежде всего расширением НАТО на восток они ущемили интересы России – причем без адекватных предложений по сближению и диалогу. Было также указано на отсутствие общей

взаимовыгодной концепции безопасности для России и Запада, что был бы совершенно необходимо как раз в период кризиса. Вместо этого каналы диалога и обмена перекрываются.

Другие немецкие участники не согласились со столь жесткой критикой Запада, возлагая на Россию значительную или даже решающую долю ответственности за ухудшение отношений. Они подчеркивали, что НАТО никогда не нарушала существующих договоров и не злоупотребляла российским доверием; но некоторые меры оборонного альянса, неизменно имеющие защитный характер, были вызваны российскими действиями в соседних государствах. Форсируемое Кремлем отделение Крыма – это ярчайший пример таких действий, которые вызывают растущую обеспокоенность некоторых государств-членов НАТО, опасующихся за сохранность своих границ. **Клаус Виттманн** считает, что умеренный характер позиции НАТО подтверждается тем, что на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году вопрос о членстве Украины в альянсе был отложен на неопределенный срок.

В ходе дальнейшей дискуссии в рамках 1-й секции было отмечено, что восточная политика ЕС также явилась одной из причин эскалации украинского кризиса. **Дынкин** подчеркнул, что ЕС совершил ошибку, предложив Киеву соглашение об ассоциации и поставив его перед выбором: сближение либо с Европейским Союзом, либо с Россией. Немецкая сторона тоже критиковала инструменты «Восточного партнерства», поскольку этот проект не предусматривал участия России и, в конечном счете, привел к возникновению интеграционной конкуренции, которую можно было бы предвидеть. Соглашение об ассоциации было, таким образом, лишь одной из вех долгосрочной тенденции: ориентируясь на «игру с нулевой суммой» (так же, впрочем, как и Россия), ЕС требовал от Киева принятия решения: либо там, либо здесь. **Ульрих Бранденбург** добавил, что объявленная подготовка к переговорам о вступлении Украины в НАТО также была большой ошибкой. **Герхард Манготт** аргументировал в аналогичном плане, напомнив о том, что в соглашении об ассоциации была включена статья о сотрудничестве в области внешней политики и политики безопасности. Хотя негативная реакция России была предсказуемой, подчеркнул он, европейская сторона проигнорировала возможные последствия.

**Александр Дынкин** остановился на планируемых экономических санкциях Европейского Союза и предупредил, что они прежде всего окажут негативное влияние на украинскую экономику. Он оценил экономическое положение Украины как катастрофическое, поскольку страна упустила четверть века экономического развития. Это можно объяснить тем, что после распада Советского Союза политическая власть использовалась там только для личного обогащения, вместо того чтобы вкладывать средства в широкие и устойчивые реформы. Так что Украина, по его мнению, сегодня является единственным постсоветским государством, уровень жизни в котором ниже, чем до 1991 года. **Дынкин** подчеркнул, что из-за существующих структур Украина не может обойтись без сотрудничества с Россией, если намерена преодолеть экономический кризис. Другие участники дискуссии поддержали этот тезис, остановившись, кроме того, на шагах, необходимых для стабилизации украинской экономики. Сначала необходимо сохранить и поддержать важнейшие отрасли экономики, причем главной целью реформ должно стать повышение производительности труда. Планируемая программа МВФ для Украины может в ближайшие годы привести к тяжелым социальным последствиям, хотя она совершенно необходима. Поэтому особенно важно разработать сопровождающие меры, которые могут быть реализованы при поддержке со стороны ЕС и России. **Пер Фишер** подверг критике повышение цен на российский газ, которое еще больше ухудшает экономическое положение Украины. Российские участники указали на то, что цены на энергоносители определяются в соответствии с договорами и что их поставки, несмотря на миллиардные долги Украины, никогда не прерывались.

В заключение **Дынкин** подчеркнул готовность российской стороны к диалогу и восстановлению отношений с Украиной. В то же время он высказал опасение, что Россия и Запад вступают в конфликтный период, когда позитивных импульсов, способствующих сотрудничеству, будет мало.

**Матиас Платцек**, отвечая на заданный ранее вопрос о перспективах отношений между Россией и Западом, оценил их более оптимистично. Он указал на сложившееся за многие годы доверие, особенно между Германией и Россией, и выразил надежду на то, что несмотря на кризис оно не будет опрометчиво поставлено на карту. Но разделяющие нас проблемы можно преодолеть лишь при условии, если между сторонами будет продолжаться адекватный диалог. Здесь определенную ответственность несут также немецкие СМИ, которые зачастую путали понимание России с одобрением политики президента Путина.

Как и выступавший до него **Дынкин**, **Платцек** сделал упор на прагматичный подход к конфликту. Несмотря на различия в толковании событий – которые имеются не только между немецкими, российскими и украинскими представителями, но и внутри этих групп экспертов – в одном моменте мнение было общим: украинское государство находится в глубоком кризисе, который уже теперь отражается на всей Европе и всем мире. Кроме того, расходятся мнения и в отношении факторов, которые привели к кризису. Это замечание вызвало дискуссию, участники которой указали на проблему вмешательства в конфликт внешних сил. Некоторые эксперты подвергли резкой критике действия России, поскольку аннексия Крыма никак не вписывается в нормы международного права, хотя пересмотр границ в принципе не исключен, как видно на примере Чехии и Словакии. Но решающее значение здесь имеет то, что эти изменения должны осуществляться в соответствии с установленными правилами.

Несмотря на высказанную критику, участники были едины в том, что разрешение конфликта невозможно без России, поскольку ее экономическое, культурное и политическое значение для Украины слишком велико. **Ирина Кобринская** добавила, что недоверие между сторонами внутриукраинского конфликта теперь столь велико, что даже Россия уже не может собственными силами урегулировать кризис. К тому же тенденции, направленные на ренационализацию и стратегическую конфронтацию, затрудняют сотрудничество между вовлеченными в конфликт государствами: надо преодолеть эти тенденции, прежде чем можно будет разработать эффективную программу по урегулированию конфликта. По вопросу о том, должны ли внешние силы вообще играть активную роль в процессе восстановления мира, мнения участников разделились. **Петер В. Шульце** аргументировал в том плане, что возможность внутриукраинского диалога сомнительна, поскольку стороны конфликта не проявляют готовности его начать, так что стабилизацию могли бы обеспечить только нейтральные игроки. Если внутреннее решение становится невозможным, допустимо и внешнее давление, направленное на достижение согласия. Другие эксперты не согласились с таким подходом, указывая на то, что устойчивый мир достигим лишь при условии, что Украина самостоятельно предпримет необходимые шаги. Подводя итог дискуссии, **Ульрих Бранденбург** отметил, что навязанные извне, заранее сформулированные решения контрапродуктивны, они даже могут еще больше обострить кризис.

**Юрген Мёперт** предложил не исключать применения термина «failed state» в отношении Украины. Тем самым он поддержал позицию **Шульце**, высказав при этом опасение, что украинское государство может оказаться не в состоянии самостоятельно, без вмешательства извне справиться со своими серьезнейшими проблемами. На его взгляд, пока не ясно, приведут ли вообще к успеху попытки оказать помощь этой стране. **Андрей Загорский** высказал в этой связи мнение, что минимальное требование должно состоять в том, чтобы внешние акторы согласовали общие цели

и ясную стратегию. **Сабине Фишер** в ответ на тезис об Украине как «failed state» указала на то, что тенденции распада нельзя рассматривать как исторически предопределенные. Еще есть надежда на то, что страна сохранится в своих прежних границах и может быть возвращена в состояние мирного соседства. Другие участники отнесли начало кризиса государства на 1991 год, озвучив вывод о том, что за все прошедшие годы Киеву так и не удалось пройти путь необходимого политического и общественного развития и выработать консенсус между разными группами населения.

В заключение **Матиас Платцек** представил возможные подходы к разрешению украинского кризиса. В качестве основы на данный момент имеются два документа: киевское соглашение от 21 февраля и женевское соглашение. Оба документа включают в себя основные параметры договоренности, в том числе разоружение всех нелегальных вооруженных формирований и освобождение занятых площадей и зданий по всей Украине. Этот процесс должен идти под эгидой ООН или ОБСЕ. Кроме того, в обоих документах решающую роль играют конституционный процесс, выборы, защита меньшинств и расследование событий на Майдане. **Платцек** подчеркнул, что главной целью должно быть предотвращение подобных гражданской войне событий в Украине, поскольку в противном случае дело может дойти до социальной катастрофы, и к тому же нельзя будет исключить эскалации конфликта между Россией и Западом. **Надежда Арбатова** дополнила дискуссию предложением не ограничивать Украиной усилия по поиску решений, а попытаться спрогнозировать последствия для всего европейского порядка. Так, нынешние плохие отношения между Россией и Западом могли бы стать поводом к тому, чтобы заново рассмотреть в рамках ОБСЕ принципы Заключительного акта Хельсинки и при необходимости скорректировать их.

**Матиас Платцек** еще раз подчеркнул принципиальное значение выборов для урегулирования украинского кризиса. Прежде всего важно определить подходящие сроки для выборов. С одной стороны, перенос сроков дал бы повод к непризнанию легитимности киевского правительства и дальнейшей дестабилизации страны; с другой стороны, срочное проведение выборов могло бы привести к тому, что значительная часть населения Украины не примет в них участия, что подорвало бы представительскую базу будущего президента. В любом случае, ценности либерального и демократического порядка явились бы наилучшей основой для завершения конфликта и обеспечения стабильности. Над их реализацией в Украине должны совместно работать прежде всего Германия и США, поскольку их связывают прочные узы демократических ценностей, хотя интересы обеих стран не всегда совпадают.

**Андрей Ермолаев**, украинский участник встречи, представил свое видение кризиса в Украине. Сначала он согласился с мнением, что страна за 20 лет, прошедших после распада СССР, не сумела создать новый порядок и осуществить переход к новой эре мирного сосуществования. Тем не менее, такой переход еще возможен, если из событий кризиса будут сделаны правильные выводы. Во-первых, в любом случае необходимо сохранить центральное украинское государство, что означает, в частности, отказ от идеи федерализации. Согласие на федерализацию могло бы подогреть сепаратистские тенденции на востоке страны и привести к ее окончательному развалу. В то же время движение «Майдан» показало, что Украина обладает большим потенциалом демократических идей. Новое правительство должно поддержать демократический проект и соответствующим образом реформировать политический порядок в стране.

**Ермолаев** подверг критике, в частности, то, как российские СМИ представляют события в Киеве. Полное энтузиазма движение Майдана превратилось в их изложении в усиление фашистских группировок, хотя эти силы составляют в Украине незначительное меньшинство (менее двух процентов). О своем беспокойстве говорили и другие участники дискуссии: проводимую Кремлем линию по освещению украинских событий можно назвать тоталитарной,

тем более что там имеют место отбор и цензура материалов, а также сознательная дезинформация об украинском кризисе. Некоторые российские участники форума отвергли столь серьезную критику, указав на то, что украинские СМИ также прибегают к сознательному искажению фактов: в Украине отключают телеканалы, введена цензура СМИ.

Дискуссия в рамках данной секции показала, что оценки конфликта вокруг Украины и мнения о подходах к его разрешению зачастую сильно расходятся. Такая же картина сложилась при обсуждении последней темы секции: действительно ли Россия и Запад снова настолько отдалились друг от друга, что уже можно говорить о новой «холодной войне»? С одной стороны, участники констатировали, что важные элементы европейской архитектуры безопасности восходят к эпохе «первой холодной войны» - в частности, к расколу Европы на страны НАТО и восточную часть, где доминировала Россия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что из-за событий в Украине вновь сформировались блоки. К тому же, усиливающийся в России авторитаризм делает почти невозможным отношение к ней как к «нормальной европейской стране». Сближение между Россией и Западом можно себе представить лишь при условии, что Россия сначала изменится изнутри, считают некоторые эксперты. Другие участники дискуссии оценивали разделяющие моменты не столь драматично, предостерегая от использования риторики, которая подчеркивает различия и нагнетает конфликтность, но оставляет без внимания многолетнее партнерство. **Йенс Паулюс** и **Матиас Платцек** даже высказали сомнения в верности заголовка нынешних Шлангенбадских бесед: понятие «раскол» («Schisma») обозначает фундаментальное размежевание, подрывая тем самым веру в сотрудничество и разрядку напряженности. Но эта вера необходима всем заинтересованным сторонам, чтобы встречаться для бесед и делать первые шаги к компромиссу.

## Секция 2

### Украина: поиски выхода из кризиса

После первой секции, посвященной в первую очередь анализу ситуации в Украине, главной темой следующего заседания были возможности урегулирования кризиса. **Андрей Ермолаев** во вступительном докладе выразил удивление тем, как быстро развиваются события в Украине, которые поставили страну в центр проблем глобального мира. Но украинский кризис не ограничен страной или регионом, в нем отражается кризис всего мирового порядка. Чтобы выработать эффективные стратегии для его разрешения, сначала надо разобраться с причинами, которые заставили людей в Киеве выйти на улицы.

**Ермолаев** назвал три причины. Первая – это неудачная трансформация после окончания советской эпохи. Реформы остановились, превратившись в чистую риторику; украинское государство пережило «корпоратизацию», став в результате инструментом экономических махинаций. Эти тенденции представляют собой большую проблему для украинских и иностранных инвесторов, вызывают социальную напряженность, ведут к тому, что пропасть между бедными и богатыми становится все глубже, что усиливается эксплуатация наемных работников. В условиях всеобщего правового нигилизма, конкретных несправедливых решений юстиции и нарушений прав человека полицией граждане стали быстро переходить к самоорганизации на местах. Но лишь отказ Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС подняло протест на общенациональный уровень, к нему подключились молодежь, а также бизнес и социальные движения.

Второй причиной кризиса **Ермолаев** назвал социокультурный раскол общества. Чтобы понять природу конфликта, важно уяснить, что линия разделения проходит не по стыку русской и украинской культуры, что мы здесь имеем дело со сложным и многослойным явлением. Украинское общество можно описать как состоящее из трех частей: с одной стороны, в Украине имеются индустриальные регионы XX века, успешно развивавшиеся в советскую эпоху; с другой стороны, существует украинская периферия – аграрные регионы с преимущественно пожилым, патерналистски настроенным населением; и в-третьих, молодые люди, для которых характерен проевропейский идеализм. Каждая из этих социальных групп понимает по-своему, что такое свобода. Жители промышленных регионов мыслят зачастую еще советскими категориями, стремясь к стабильности в рамках крупных корпораций. Они никогда не сталкивались с вопросами нарушения прав человека и поэтому не понимают смысл движения «Майдан», базой которого является молодое поколение. «Периферия» же хочет прежде всего надежной работы систем социального обеспечения и не против патерналистского управления, если оно для этого необходимо. Столь разные ментальности, установки и мотивации затрудняют, как считает **Ермолаев**, достижение национального единства. **Андрей Рябов** поддержал эту оценку, подчеркнув большую ответственность украинских политических элит за будущее развитие страны. Децентрализованная, федеральная структура государства дает, по его мнению, наилучшие шансы на успешную консолидацию Украины.

**Андрей Ермолаев** считает Майдан не только местом в Киеве, но и социальным пространством вне государства, где люди, чувствуя отчуждение от этого государства, могут от него отмежеваться. В то же время он констатировал, что за прогрессивной фазой зимы 2013/2014 годов вскоре последовало изменение состава и целей движения. После достижения договоренности с президентом Януковичем, которое приветствовали далеко не все, и его бегства из страны в движении гражданского протеста стали преобладать тенденции распада, активная роль на Майдане перешла к полувоенным, экстремистским группировкам. **Ермолаев** подтвердил, что эти тенденции привели к усилению влияния внешних сил – как России, так и Запада. **Андрей Рябов** здесь дополнил, что общая, характерная для большинства постсоветских государств слабость институтов была использована с разрушительными для Украины последствиями. Быстрый распад проевропейской коалиции и отсутствие молодой элиты, которая могла бы обеспечить смену поколений во власти, направили конфликт в русло интернационализации. Конфликт интересов внешних сил придал кризису опасную динамику, в результате чего не сработали даже механизмы дипломатии. Характеризуя новое украинское руководство, **Андрей Ермолаев** отметил существенные недостатки, способные затруднить поиск политического согласия в стране. Одна из слабых сторон правительства состоит в том, что оно не выросло из процесса национальной консолидации и поэтому не может выступать от имени всех жителей Украины. Вместо того чтобы равноправно допустить все регионы к формированию правительства, был нарушен парламентский порядок, в результате сложилась новая политическая монополия. Еще одну проблему докладчик увидел в участии в правительстве «Свободы» и других правых партий.

Участники конференции снова вернулись к теме крымского референдума. Здесь особенно ярко проявилась подверженность украинской политики влияниям извне: при проведении референдума, например, пророссийски настроенное региональное правительство взяло в заложники население, поставив его перед выбором: либо поддержать присоединение к России, либо покинуть Крым. В то же время хорошая военная подготовка, планирование и оснащение сепаратистов, а также поддержка сепаратизма на востоке со стороны некоторых бывших военных кадров Украины вызывают опасения, что в будущем не исключены новые городские и региональные референдумы. Поэтому некоторые участники конференции сочли



нецелесообразной децентрализацию Украины, поскольку она делает Киев недееспособным и облегчит регионам, получившим больше самостоятельности, процесс отделения. Другие эксперты подвергли критике прежде всего политику России, для которой характерны в первую очередь консервативное стремление к сохранению власти и претензии на объявление Украины духовным и культурным стержнем российской истории. В любом случае необходимо как можно скорее достичь договоренности о будущем Крыма. Как считают участники форума, здесь возможны два сценария: с одной стороны, создание автономной «Крымской республики», которая могла бы заключить договора как с Украиной, так и с Россией; более мрачная альтернатива – это этнополитическое размежевание живущих в регионе украинских граждан на народности, которые, подчеркивая свою крымско-татарскую, русскую или украинскую идентичность, могут привести Крым к конфликтной раздробленности.

Будущий статус полуострова вызвал среди участников оживленную дискуссию. Некоторые российские эксперты высказали мнение, что процесс отделения региона теперь завершен и поэтому больше не является предметом дискуссии. Присоединение Крыма к России могло бы быть отменено, как они считают, только в случае радикальной и маловероятной смены режима в России. Критика отделения к тому же, на их взгляд, несправедлива, так как референдум выразил свободное волеизъявление населения и подтвердил принадлежность Крыма России. Другие участники решительно возражали, сомневаясь в том, что у граждан Крыма действительно был свободный выбор. К тому же, Кремль слишком быстро и охотно отреагировал на желание о присоединении, не принимая во внимание последствия этого шага для украинского государства. Крымский регион, считают они, бесспорно принадлежит Украине. Прежде всего немецкие участники конференции подчеркивали, что аннексия Крыма является нарушением норм международного права и поэтому не может быть признана и в будущем.

В заключение своего выступления **Андрей Ермолаев** высказался за сохранение национального единства Украины, которое должно быть обеспечено заключением нового политического договора при представительстве регионов и городов страны. В этом процессе решающее значение имеют четкая регламентация выборов и конституционного процесса, а также включение в процесс принятия политических решений элементов гражданского общества. Только так можно было бы обеспечить эффективное взаимодействие государства и общества и формирование стабильного, дееспособного национального собрания. Чтобы этот процесс завершился успехом, не обойтись также без диалога с Россией и признания нового украинского правительства.

После первого доклада секции, в котором было изложено видение кризиса с украинской точки зрения, **Рольф Мютцених** в своем выступлении сначала остановился на внешних акторах – прежде всего на Германии и России. Он подчеркнул, что главная цель германской политики – в парламенте, федеральном правительстве и в партиях – состоит в деэскалации конфликта. Поэтому предпринимаются усилия, направленные на то, чтобы сохранять каналы для диалога между всеми сторонами и найти путь к умеренным формам разрешения кризиса. Но из-за обострения ситуации голоса тех политиков в ЕС, НАТО и Германии, которые заинтересованы в деэскалации, слышны слабо. От имени фракции СДПГ докладчик подверг критике прежде всего задержание наблюдателей ОБСЕ в Восточной Украине, которое явно противоречит всем правилам и нормам европейского мирного порядка. Несмотря на эти и другие осложнения нужно смотреть в будущее, работать над формированием общего перспективного видения путей к дальнейшей деэскалации ситуации в Украине, подчеркнул **Рольф Мютцених**.

Еще одну проблему **Мютцених** увидел в нарушении Россией Будапештского меморандума, который был призван гарантировать государственную целостность Украины. Он выразил надежду

на то, что дальнейший политический процесс все же будет выстраиваться с учетом этого документа. Только так может быть создана приемлемая атмосфера для предстоящих президентских выборов, считает он. Эти выборы, в свою очередь, должны стать важной легитимационной основой для киевского правительства, которое сталкивается с проблемой легитимности; особенно, если они будут сопровождаться конституционной реформой, которая задаст вектор развития страны с учетом предложений региональных представителей.

В ходе секции между ее участниками снова завязалась дискуссия о том, какую роль играли Россия и государства Запада при возникновении и течении украинского конфликта. Обеим сторонам приписывалась определенная ответственность за этот кризис. С одной стороны, некоторые эксперты решительно критиковали поведение отдельных россиян и политиков, которые с помощью языковых и визуальных средств создают атмосферу, отнюдь не способствующую деэскалации конфликта. Депутаты, которые говорят о «третьей мировой войне» или «украинской хунте»; телеведущие, которые на российском государственном канале рассуждают о ядерном ударе по США – эти и другие эксцессы обостряют и без того сложную ситуацию. В то же время мир и мирная политика почти не играют никакой роли в общественной дискуссии России. Опасную тенденцию видят участники в создании самозванных «правительств» в Восточной Украине, утверждающих, что представляют русскоязычное население вне государственных границ Российской Федерации. Это не только является опасным примером для других европейских государств, но и подогревает фобии среди населения, которые могут использовать те, кто заинтересован в конфронтации.

Другие участники считали, что к обострению ситуации привела западная политика в области безопасности, проводившаяся в последние годы. Негативный опыт – в частности, расширение НАТО на восток или односторонний выход США из договора об ограничении систем ПРО – сильно снизил готовность России к сотрудничеству и оживил блоковое мышление даже в Совете Россия-НАТО, который раньше был важным инструментом взаимопонимания. На этом фоне последние высказывания президента Обамы по украинскому конфликту заслуживают критики – тем более что неучастие США в его разрешении ведет к тому, что за кризис приходится расплачиваться только Европе. На перспективу, однако, сохраняется надежда на то, удастся использовать в позитивном ключе прежние наработки по сближению России и Запада – например, по выстраиванию общеевропейской системы безопасности. Чтобы прийти к этому, необходимо выявить общие интересы и сохранять линии сотрудничества – например, в области разоружения или контроля над вооружениями.

Эту примирительную ноту использовал также **Рольф Мютцених** в завершение своего доклада. Он призвал все стороны к тому, чтобы они заявили об отказе от насилия и сосредоточились на мерах по восстановлению взаимного доверия. При этом нельзя в принципе отвергать партнера. В центре внимания должны быть стабилизация положения и совершенствование общих норм, которые раньше в течение десятилетий обеспечивали мир в Европе.

**Федор Лукьянов** в начале своего выступления также обратился к теме отношений между Россией и Западом, как бы продолжив предшествующую дискуссию. Он констатировал, что украинский кризис выявил напряженность в германо-российских отношениях, причем градус напряженности таков, что использование такого понятия как «вторая холодная война» представляется оправданным. Подтверждение этому **Лукьянов** увидел в риторике обеих сторон, для которой характерно дихотомное разделение мира на «хороших» и «плохих». Но такое разделение неверно и даже затрудняет поиск пути к эффективному разрешению конфликта: вместо того чтобы форсировать победу якобы «хорошей» стороны, надо скорее сосредоточить

усилия на непредвзятом, ориентированном на результат посредничестве между всеми вовлеченными в конфликт сторонами, считает **Федор Лукьянов**. **Петер В. Шульце** поддержал тезис о том, что термин «холодная война» применим к нынешней ситуации; но для него «холодная война» никогда не заканчивалась, переходя лишь из одной фазы в другую. Другие участники также подчеркивали, что отказ от этого термина лишь уводит наблюдателя от реальной оценки кризиса. Некоторые эксперты, однако, критиковали применение этого термина, поскольку связанные с ним политические аспекты отношений между Россией и Западом – такие как конфронтация, биполярность и гонка вооружений – к счастью, пока отсутствуют. В этой связи **Андрей Zubov** предостерег российское правительство в том плане, что политика, ориентированная на наращивание власти и конфронтацию, может иметь серьезные негативные последствия. Рост национализма в России грозит глобальной изоляцией страны – причем вне зависимости от политики Запада.

Вновь было указано на просчеты в политике Запада. В то время как демонстрация силы с российской и американской стороны пока носит скорее символический характер, обсуждаемые экономические санкции могут иметь совершенно реальные последствия для экономики России. Участники критиковали также американскую риторику в связи с украинским кризисом: она выражает не волю к разрешению кризиса, а скорее желание контролировать ситуацию в интересах Вашингтона. Это ставит и Европу в сложное положение: либо она должна заявить о своей безраздельной солидарности с США, либо попытаться выработать собственную политическую линию. Последнее представляется, однако, слишком большим вызовом, поскольку Европейский Союз не имеет ни общей внешней политики, ни общей политики безопасности. Некоторые участники также отмечали, что такие прежде влиятельные государства-члены ЕС как, например, Великобритания или Франция сегодня скорее отступили на задний план, так что, наверное, только Германия могла бы привести Евросоюз к общей позиции. **Карстен Фогт** при этом заметил, что США и Европа едины в своей оценке ситуации в Украине и в том, какая стратегия необходима для разрешения кризиса. Он подчеркнул, что, хотя запад должен внести свой вклад в деэскалацию и урегулирование конфликта, основная ответственность все же лежит на России.

**Федор Лукьянов** завершил свой доклад, предложив стратегию дальнейших действий в Украине. Сначала он подверг критике то, что Женевская декларация не содержит никаких обязательств и договоренностей. Поэтому необходим новый раунд переговоров, чтобы прийти к заключению обязующего договора, удовлетворяющего все вовлеченные в конфликт стороны. Исключение фракции Януковича из политического процесса также было ошибкой, болезненной реакцией на которую стали сепаратистские движения. Должен начаться национальный диалог, который к тому же является распространенной и популярной моделью улаживания конфликтов. Ведь только так можно было бы учесть различные интересы всех граждан украинского государства. **Лукьянов** высказался в пользу пакетного решения, охватывающего все вопросы: от принципов функционирования государства и экономических структур до вопросов газоснабжения. Президентские выборы, на его взгляд, следует отодвинуть до завершения процесса переговоров, поскольку без этой основы они приведут не к легитимации, а скорее к расколу страны. **Карстен Фогт** рекомендовал все же не строить столь детальные планы, особенно извне. Настоящее решение невозможно найти без участия самих украинцев.

Предложение **Лукьянова** о пакетном решении, подхваченное другими участниками, вызвало острую дискуссию. **Констанце Штельценмюллер** высказала опасение, что на данный момент отсутствует основа для такого комплексного решения. По мнению других экспертов, оно имеет шансы на успех, если будут выполнены определенные условия. Среди них – организация «круглого стола» при патронате внешних игроков, не имеющих собственных интересов в данном конфликте. Не менее важное условие – это преодоление кризиса доверия между Россией и Западом

и возобновление сотрудничества при отказе от тактических маневров. Некоторые российские участники указали на то, что Россия стремится к дружественным отношениям с Украиной и не хочет ввязываться во внутриукраинский конфликт, но сотрудничество пока не удастся восстановить – прежде всего из-за эскалации положения, которому способствуют США.

В ходе дискуссии, последовавшей за докладами, участники конференции затронули две других темы, очень важных для политического будущего Украины: речь шла, с одной стороны, о шансах и рисках федерализации, а с другой стороны – о роли политических элит в стране. Что касается федерализации, то **Андрей Ермолаев** указал на то, что многие из региональных органов самоуправления еще не преодолели советские традиции и нуждаются в реформировании. Поэтому успех таких проектов на данный момент сомнителен, тем более что – как добавили другие участники – это может привести к распаду государства и росту российского влияния. По этой причине понятно недоверие украинской стороны к идее федерализации, которое нельзя игнорировать. В качестве встречного аргумента прозвучал тезис о том, что концепция федерализации очень по-разному воспринимается в разных частях Украины, так что ее не стоит отвергать априори. Подводя итог этой дискуссии, **Андрей Загорский** сказал, что формирование политического порядка в Украине – это тема внутриукраинского диалога. Поэтому политическим элитам страны следует пока порекомендовать поддержать идею федерализации и конкретизировать ее содержание.

Одну из главных проблем участники увидели в сохранении элит и структур, которые в прошлом грабили страну и уже не раз злоупотребляли доверием населения. **Клаус-Дитер Бергнер** посетовал на то, что из прежних кризисов не было сделано никаких выводов и что политика государства осталась неизменной. Сохранились и коррупция, и бесхозяйственность, которые препятствуют переменам в обществе. **Бергнер** призвал политических деятелей Германии, которые, по его мнению, недостаточно требовательны к украинским коллегам, в будущем более решительно и настойчиво указывать на недостатки и просчеты. С другой стороны, **Загорский** обратил внимание на то, что, несмотря на обоснованную критику в адрес украинских политических элит, на данный момент лучших кандидатов нет. Поэтому надо скорее провести новые выборы, тем более что согласно конституции они должны состояться в течение трех месяцев после того, как спикер парламента взял на себя обязанности президента. Если выборы не состоятся 25 мая, то стране грозят, как добавил **Андрей Ермолаев**, милитаризация и начало гражданской войны. В перспективе надо исходить из того, что молодое движение «Майдана», хотя участие старых элит сейчас пока кажется неизбежным, через несколько лет будет обладать необходимым опытом и структурой, чтобы эффективно работать в политических органах страны. Таким образом можно будет добиться давно ожидаемых социально-политических перемен.

### Секция 3

#### Украина: преодоление кризиса

Третья – и последняя – секция конференции по теме «Украина» была посвящена поиску конкретных решений с целью стабилизации положения и предотвращения эскалации кризиса. Во вводном докладе **Франц Тённес** представил план мирного урегулирования, включающий в себя семь шагов. Цель усилий, по его мнению, должна состоять в том, чтобы сохранить территориальную целостность Украины и ее право на самоопределение, не допустить сползания к гражданской войне и избежать дальнейшего ухудшения германо-российских отношений. В

качестве первого конкретного шага **Тённес** предложил формирование национального собрания с участием всех политических сил Украины, представителей гражданского общества, профсоюзов и союзов работодателей. Для внутренней стабильности необходимы равноправное участие в правительстве всех регионов и разграничение компетенций между отдельными административными округами. Для этого необходимо сломать олигархические структуры, обеспечить права этнических меньшинств и определить роль русского языка. **Франц Тённес** выразил надежду на то, что исходной точкой для этого процесса может послужить Женевское соглашение, при этом первоочередными задачами являются восстановление легитимной монополии на насилие и разоружение гражданского населения. Кроме того, ОБСЕ должна взять на себя ведущую роль в организации мирного процесса. В то же время державы, подписавшие Женевское соглашение, Россия, США и ЕС, обязаны выступить в качестве гарантов реализации отдельных положений, по которым достигнута договоренность. Что же касается внешней безопасности Украины, то следует, в-третьих, согласовать ее внеблоковый статус, исключающий членство в НАТО. Решающим шагом в процессе примирения, в-четвертых, должно стать, как считает **Тённес**, расследование событий на Майдане и обстоятельств смены власти в Киеве, в котором в равной мере должны участвовать все стороны. В-пятых, все стороны должны отказаться от экстремизма и обеспечить проведение свободных и честных выборов в рамках репрезентативного избирательного права, а также формирование нового, опирающегося на широкую легитимность руководства страны на основе процесса выработки политической воли под наблюдением ОБСЕ. В-шестых, необходимо обеспечить перестройку экономических структур в качестве условия для подписания соглашения об ассоциации Украины с ЕС, с тем чтобы будущие финансовые потоки из России, ЕС и МВФ, направляемые на восстановление украинской экономики, не уходили в песок из-за бюрократизма и коррупции. Наконец, укрепление независимой юстиции, участие работников в управлении предприятиями и тарифной политике, а также укрепление банковской системы чрезвычайно важны для смягчения социальных потрясений, которые могут быть вызваны безработицей и кризисом народного хозяйства и представлять угрозу как для внутреннего, так и для международного мира.

**Тённес** добавил, что участие России в финансировании совместных проектов возможно. За счет справедливой цены на газ Россия может также помочь Украине избежать дефолта; в то же время можно провести модернизацию украинской промышленности и сельского хозяйства с учетом российских интересов. Решающее значение при этом имеет сохранение России и стран СНГ как важнейших рынков сбыта для восточно-украинской промышленности. Рассматривая вопрос о будущем развитии торговых отношений Украины, необходимо преодолеть мышление категориями «или восток, или запад», вместо этого надо искать возможности для общего сотрудничества. Оно не должно ограничиваться Украиной, но могло бы привести к новым интегративным концепциям, охватывающим пространство от Сан-Франциско до Владивостока. Даже если на фоне нынешнего острого кризиса это звучит утопично, **Франц Тённес** подчеркнул, что такие идеи задают вектор перспективного мышления.

Такой план комплексного разрешения украинского кризиса был в целом воспринят участниками форума без возражений, хотя **Петер В. Шульце** в порядке критики отметил, что мерам со стороны ЕС такого глобального подхода не хватает.

**Надежда Арбатова** охарактеризовала в своем выступлении нынешний конфликт как результат интеграционной конкуренции между ЕС и Россией. Главную роль здесь сыграли противоречащие друг другу интеграционные концепции в отношении Украины. Интеграция стран Балтии, Югославии и Центральной Европы в сочетании с Европейской политикой соседства (ЕПС) была воспринята многими людьми в России как стремление Запада к доминированию и как унижение. Чувство маргинализации все больше подталкивало Россию к политике размежевания,

кульминацией которой стал объявленный в 2012 году курс на создание Евразийского Союза. Направленное Евросоюзом Москве приглашение участвовать в трехсторонних проектах ЕПС могло бы сгладить ощущение того, что европейская интеграция на пространстве СНГ направлена против России. **Эгберт Ян** заметил в этой связи, что ЕПС предусматривала участие России – пусть и в иной форме, но Кремль принял решение не участвовать в этом процессе. Как еще один недостаток Европейской политики соседства докладчица отметила неверную оценку политической культуры на постсоветском пространстве. Ориентация на политические элиты этих стран затруднила участие в сотрудничестве населения, а также разработку серьезных стратегий по перестройке экономики и политической трансформации.

В свете нынешнего кризиса необходимо совершенно трезво оценивать перспективы российско-европейских отношений: получив Крым, Россия надолго потеряла ЕС и Украину. Идея интеграции России и ЕС, мостом между которыми должен был стать регион СНГ, отодвинулась в необозримое будущее; вместо этого их отношения в ближайшей перспективе будут сохраняться только на уровне общих экономических интересов. Концепции партнерства, взаимного доверия и интеграции, считает **Арбатова**, придется пересматривать и обновлять, когда отношения снова стабилизируются. Что касается дальнейшей перспективы, она все же выразила надежду на то, что Россия вернется к европейскому курсу, поскольку российское самосознание по сути европейское.

Что касается разрешения украинского кризиса, **Арбатова** сделала упор на неформальную дипломатию, а также на взвешенную информационную политику, потребовав оказать давление на политику Украины. Проевропейское руководство страны в данной ситуации должно демонстрировать не силу, а ум и гибкость, чтобы успешно вести переговоры с различными региональными силами. В этой связи российская сторона подвергла критике прекращение Киевом снабжения Крыма водой, поскольку такие действия отнюдь не способствуют успокоению ситуации и началу конструктивного диалога. Кроме того, **Владимир Назаров** высказался в пользу укрепления ОБСЕ и выработки Евросоюзом конкретной позиции по данному конфликту.

Третья секция конференция также не обошла стороной тему Крыма. Некоторые участники подчеркнули, что присоединение Крыма к России никак нельзя рассматривать как плановое мероприятие Кремля и как прецедент. Ситуация была скорее такова, что неразбериха после переворота в Киеве вызвала, с одной стороны, реакцию Москвы, а с другой – стремление Крыма к отделению от Украины. Проведенный референдум, считают некоторые участники, подчеркнул к тому же добровольность и правомерность присоединения полуострова к России. Другие эксперты не согласились с такой оценкой, высказав озабоченность в связи с тем, что эти действия, на их взгляд, нанесли серьезный ущерб международному правопорядку, поколебав принцип мирного изменения границ при соблюдении законных процедур. В данных условиях успешное урегулирование кризиса будет еще более затруднено. Угроза министра иностранных дел России Лаврова при необходимости защищать интересы русского населения военными средствами вызвала критику в том плане, что она напоминает события перед второй мировой войной. Что касается практических аспектов присоединения Крыма, то были упомянуты необходимость создания необходимой инфраструктуры и проблемы снабжения полуострова, что обойдется России примерно в триллион рублей – то есть в сумму, равную дефициту российского пенсионного фонда.

Подробно обсуждалась, кроме того, роль России как важного поставщика энергоносителей, а также энергоснабжение Европы. **Елена Телегина** в начале своего выступления предсказала, что Россию будут все больше вытеснять с европейского газового рынка. В глобальном масштабе США, Саудовская Аравия и Россия ведут жесткую конкурентную борьбу за рынки энергоносителей, в то время как будущее газового рынка неясно из-за растущего производства

сжиженного газа. Тем не менее, на долю России по-прежнему приходится более 20 процентов мирового экспорта природного газа, и она сохранила лидерство на рынке. Страна начинает реструктуризацию своей ресурсной экономики, разрабатывает проекты по производству СПГ, рынок сбыта которого находится вне Европы. И все же Европа вряд ли сможет полностью избавиться от зависимости от российского газа, что в первую очередь относится к восточным государствам-членам ЕС. Поэтому с учетом планируемых санкций ЕС против России возникает вопрос о том, как ЕС намерен собственными силами компенсировать отсутствие российского газа. **Телегина** указала на то, что прекращение поставок газа в Европу будет иметь непреднамеренные негативные последствия для украинской экономики, поскольку Украина как страна-транзитер в результате потеряет важную отрасль экономики.

В заключение своего выступления докладчица обратила внимание аудитории на глобальный масштаб европейских санкций и переориентацию российского сырьевого экспорта. Так, США могли бы быть заинтересованы в прекращении российско-европейского сотрудничества, чтобы завоевать европейский энергетический рынок и создать новые линии зависимости. В результате в будущем Россия может переориентироваться в сторону Китая как крупнейшего рынка нефти и газа, так что китайская экономика оказалась бы в большом выигрыше от европейских экономических санкций. Но такая тенденция привела бы к коренному и устойчивому сдвигу в глобальном соотношении сил и мировом энергетическом балансе. Другие участники возразили в том плане, что, по крайней мере, на сегодняшний день интерес США к европейскому газовому рынку не заметен. **Франц Тённес** и **Эгберт Ян**, исходя из соображений мирной политики, предостерегли от стремления к полной независимости от поставок российского газа: ведь взаимная зависимость противодействует принятию непродуманных политических решений и совершению ошибок. **Йонас Гретц** заметил, что диверсификация поставщиков энергоносителей в Европу в любом случае полезна, хотя Россия остается одним из важных торговых партнеров.

**Владимир Рыжков** в последовавшей затем дискуссии указал на то, что роль «младшего партнера Китая» не отвечает российским интересам. Во-первых, Китай – в отличие от Европы – не заинтересован в модернизации российской экономики, видя в России всего лишь источник сырья, которое можно использовать для собственного экономического роста. Во-вторых, Россия сейчас во внутренней политике взяла курс на полную изоляцию, создавая новую государственную идеологию «культурного шовинизма» в духе Хантингтона. Реальные признаки этой тенденции Рыжков видит во все более серьезных ограничениях свободы передвижения людей и денежных средств, в ужесточении цензуры в Интернете, так что скоро можно ожидать введения контроля и блокирования фейсбука, скайпа, твиттера и других каналов коммуникации и информации. Так что пока непонятно, с какой Россией будет иметь дело Европа по окончании украинского кризиса. **Ульрих Бентербуш** также согласился с тезисом, что российское руководство должно переосмыслить проводимый им геополитический курс. Национализма в долгосрочной перспективе будет недостаточно, чтобы отвлекать внимание населения от внутривнутриполитических и экономических проблем страны – Россия могла бы выиграть несравнимо больше от партнерства с Европой.

В завершение трех секций, посвященных Украине, участники конференции призвали все стороны конфликта к сдержанности и благоразумию, причем эти ожидания были обращены не только к России, но и к представителям Запада. Так, **Гюнтер Йотце** подчеркнул еще раз, что экономические санкции нельзя использовать как наказание. Даже если деэскалация и взаимопонимание кажутся в данный момент недостижимыми, необходимо сохранять любые возможные контакты. ЕС и США обязаны реагировать на острые гуманитарные проблемы Украины: при финансовой поддержке Соединенных Штатов Брюссель должен организовать

систему гуманитарной помощи на местах. Другие участники сформулировали ясные требования в адрес российского политического руководства. **Петер В. Шульце** и **Эгберт Ян** подчеркнули, что Россия не может быть заинтересована в дальнейшей дестабилизации Украины. Первым шагом поэтому должна стать вербальная деэскалация конфликта, чтобы эскалация не приобрела опасной собственной динамики. Так можно было бы еще предотвратить милитаризацию кризиса, которая стала бы катастрофой не только для Украины, но и для России. В заключение прозвучал призыв к российским участникам конференции: отнеситесь серьезно к предупреждениям присутствующих здесь друзей России, ведь если вы их потеряете в результате дальнейшей эскалации, это повлекло бы за собой полную изоляцию России.

## Секция 4

### Тенденции развития Глобального Юга: сотрудничество или конкуренция?

Во вводном слове ко второму тематическому разделу конференции **Ханс-Йоахим Шпангер** попросил участников отложить в сторону дискуссию об украинском кризисе и обратиться к другой, не менее актуальной, теме: международному сотрудничеству в деле развития Глобального Юга. Чтобы соразмерно ответить на серьезные вызовы в этой сфере, необходимо выработать пути координации и кооперации между странами-донорами, хотя это сейчас и представляется недостижимым во взаимоотношениях между Россией и Западом. То, что сотрудничество в целях развития играет все большую роль и в российской политике, подтверждается, по мнению **Шпангера**, хотя бы тем, что всего несколько дней назад была принята новая концепция «Поддержка международного развития». Этот документ развивает основные положения прежней версии 2007 года и предусматривает, в частности, ежегодные инвестиции в развитие в размере до 500 миллионов долларов США. В то же время **Шпангер** назвал регрессом тот факт, что в новой версии концепции приоритет отдан двухсторонним проектам развития – особенно в «ближнем зарубежье», в то время как участие в многосторонних проектах отошло на задний план. Поэтому возникает опасение, что российская политика сотрудничества в целях развития станет «заложницей отношений между Востоком и Западом». С другой стороны, в России сфера политики «сотрудничество в целях развития» еще только должна сложиться, поскольку наследие СССР в этом плане малоприспособно и в основном отмерло. Сотрудничество со странами Запада и международным сообществом дает на этом фоне наилучшие возможности для организации и эффективной реализации совместного обучения. Вопреки возможным опасениям со стороны россиян речь здесь идет не об одностороннем, а о совместном обучении, поскольку и западным странам зачастую приходится переосмысливать свои давно устоявшиеся принципы «сотрудничества в целях развития» - например, уже не актуальное деление мира на Север и Юг, на доноров и получателей.

Во вводном докладе руководитель российского агентства развития «Россотрудничество» **Константин Косачёв** подхватил обозначенную **Шпангером** тему изменений в этой сфере, констатируя, что российская сторона также считает совершенно необходимым сотрудничество с Западом в области развития. Это необходимо не только для того, чтобы справляться с актуальными глобальными вызовами, но важно и потому, что в период конфронтации позволяет находить точки сближения между Россией и Западом. О том, насколько серьезно страна относится к тому, чтобы стать полноценным членом сообщества стран-доноров, свидетельствует и факт



принятия уже второй редакции российской концепции сотрудничества в целях развития. В своем выступлении **Косачев** подробнее остановился на причинах разработки этого документа. Он напомнил о том, что Россия только примерно с 2000 года находится на донорской стороне международного сообщества и поэтому все еще проходит период обучения применительно к этой новой роли. Поэтому для первой концепции, разработанной и принятой в 2007 году, был скорее характерен осторожный подход, который ограничивался участием в уже наработанных проектах сотрудничества. Это было связано с явными недостатками для России, поскольку она в таком случае была вынуждена использовать инструменты сотрудничества в целях развития, принципы которого были разработаны без российского участия и не отвечали интересам страны. **Косачев** подчеркнул, что за прошедшие с тех пор семь лет Россия переросла эту пассивную роль и теперь готова сама разрабатывать проекты и формировать собственные принципы. Эта тенденция отразилась и в новой концепции 2014 года, в которой основной упор сделан на три ключевых задачи. Во-первых, в ней предпринята попытка закрепить механизмы международного сотрудничества, а также четко очертить сферы компетенции в российской системе управления. При этом ясно, что сотрудничество в целях развития должно быть тесно привязано к внешнеполитической сфере. Вторая цель состояла в определении приоритетных форматов сотрудничества, что означает ориентацию на двухсторонние проекты, поскольку только так можно четко обозначить российский вклад в международное сотрудничество. Последним пунктом докладчик назвал расстановку географических приоритетов, которые обусловлены стратегическими аспектами и ориентированы прежде всего на страны непосредственного соседства. Это объясняется тем фактом, что экономическое и социальное развитие в регионе оказывает наибольшее влияние на собственную внутреннюю политику России и поэтому должно быть в центре внимания. В заключение **Косачев** отметил, что все эти размышления, на которых основана концепция, не произвольны, а опираются на работы признанных экспертов и глобальные тенденции. Эту оценку подтвердила в ходе дискуссии **Наталья Тоганова**. Она заметила, что тенденция к двухсторонним инструментам сотрудничества в целях развития и ориентация на определенные приоритетные регионы примерно с 2009 года наблюдается во всех государствах, что объясняется в первую очередь недостаточной эффективностью многосторонних проектов в прошедшие десятилетия.

Затем **Косачев** затронул вопрос статистических расчетов и документального оформления сотрудничества в целях развития, где он также увидел проблему для России. В качестве примера он привел российскую работу в постсоветских странах, подчеркнув, что его страна вносит там огромный вклад в развитие – зачастую в очень сложных условиях. Но в официальных данных ОЭСР эти факты не отражены, Россию ставят лишь на восьмое место среди стран-доноров, далеко позади Турции или США. Причину этого следует искать в специфике российской помощи, которая не укладывается в критерии ОЭСР. Они не учитывают, например, субсидирование цен на газ или передачу технологий. Заслуживает критики и тот факт, что многие страны рассматривают эти льготы как нечто само собой разумеющееся, исходя из того, что они не ограничены во времени и могут сохраняться вне зависимости от политической ситуации. Только в последнее время, подчеркнул докладчик, украинское руководство после проведенных экспертами подсчетов поняло, что Украина экономически просто не выдержит быстрого разрыва с Россией. **Тоганова** согласилась с тем, что надо стремиться к реформированию статистических методов при расчете финансового объема проектов сотрудничества в целях развития, поскольку используемые ныне критерии ОЭСР частично не учитывают эффективные инструменты борьбы с бедностью.

В завершение своего доклада **Косачев** поставил центральный вопрос, вызвавший затем оживленную дискуссию среди участников секции: как следует воспринимать сотрудничество в целях развития – как инструмент внешней политики и наращивания «мягкой силы» государства

или же как филантропическую помощь? По его наблюдениям в большинстве государственных программ присутствуют оба элемента, хотя некоторые государства Запада подвергают в этом смысле критике новую российскую концепцию сотрудничества в целях развития. В качестве примеров он назвал политику США в Украине, а также активность ЕС в рамках «восточного партнерства». В первом случае в 2005 году даже имелась оценка со стороны одного деятеля США, который заявил, что американское сотрудничество в целях развития, конечно, оказывает политическое влияние на внутреннюю политику Украины и исходит из политических целей. Европейский Союз также способствовал своими «восточными программами» осуществлению внутривластной и общественной трансформации, которая отвечала политической цели подтягивания страны к ЕС. Такое западное давление на Януковича было одним из факторов, приведших к возникновению «второго Майдана» и последовавшего за ним кризиса.

Эти примеры показывают, по мнению **Косачева**, что односторонние упреки в адрес России, что она якобы использует сотрудничество в целях развития во внешнеполитических интересах, не обоснованы. Скорее он даже видит решающее различие между российской политикой и практикой западных партнеров. Последние часто связывают поддержку с политическими условиями, в то время как для Москвы переориентация политической и общественной системы стран-получателей не стоит в центре сотрудничества. Речь идет скорее о прагматичных инвестициях в экономику, которые вырабатываются в диалоге с соответствующим правительством и поэтому используются эффективно. В случае с Украиной Россия в последние годы была главным помощником – причем не только в плане объема вложенных средств, который был, к примеру, намного больше, чем вклад США, но и в плане надежности сотрудничества. С некоторыми исключениями и даже при разрешении конфликтов из-за несоблюдения Украиной газовых договоров это сотрудничество было устойчивым.

Возвращаясь к вопросу о различных подходах к сотрудничеству в целях развития, **Косачев** отметил, что межгосударственное сотрудничество нередко подпадает под подозрение, что под завесой альтруистической помощи здесь реализуется прямое влияние ради собственной выгоды. Но при этом надо также принимать во внимание то, что заинтересованность страны-донора в сотрудничестве обусловлена не только интересами безопасности или экономической выгодой, но и наращиванием «мягкой силы», то есть улучшением имиджа в мировом сообществе. По этой причине интересы доноров и интересы получателей не обязательно должны противоречить друг другу. Поскольку Россия в последние годы все лучше справляется с новой ролью члена сообщества стран-доноров, она ожидает также признания своего вклада и намерена в будущем наращивать «мягкую силу». Так что она готова работать над повышением эффективности и наращивать объем помощи. Россия ставит себе цель – при условии будущего успешного развития экономики страны – до 2020 года вчетверо увеличить долю средств, расходуемых на сотрудничество в целях развития, в российском ВВП. **Хайдемари Вечорек-Цойль** заметила, что концепция «мягкой силы» несопоставима с экономической мощью страны – скорее она связана с привлекательностью политических идей. Она считает, что в этой сфере в России еще много что требует улучшения, и в качестве первого шага предложила обеспечить участие гражданского общества и НКО в сотрудничестве в целях развития, которое до сих пор было слишком ориентировано на государство.

**Ирина Кобринская** также подчеркнула, что учет интересов страны-донора необходим и даже неизбежен, обосновав это ответственностью перед собственным населением. Она напомнила о том, что в самой России, хотя она и покинула в начале нового тысячелетия круг стран-получателей, до сих пор значительная часть населения живет очень бедно. Поэтому оказание помощи другим странам – вопрос, вызывающий споры, оно оправдано лишь тогда, когда приносит пользу самой России. Преимущественная ориентация на страны непосредственного соседства –

это необходимость, поскольку укрепление их экономической и социальной стабильности будет самым непосредственным образом позитивно влиять на российское общество.

Завершая свое выступление, **Косачев** сказал, что рад тому, что, несмотря на сложную политическую обстановку и напряженность в отношениях между Россией и Западом, еще сохраняются такие площадки для диалога как Шлангенбадские беседы. Он назвал украинский кризис «кризисом непонимания», заявив при этом, что является представителем страны, которую часто понимают неправильно. **Кобринская** сказала, что ценит возможность учиться у западных партнеров, у которых гораздо больше опыта в организации сотрудничества в целях развития. В то же время она сожалеет о том, что Россия еще сталкивается с трудностями при организации и координации проектов, так же как при статистическом учете международной помощи и в плане прозрачности при выработке административных решений. Это также показывает, почему была столь необходима новая концепция сотрудничества в целях развития, и теперь следует позитивно оценить тот факт, что в ней были учтены многие из названных аспектов.

Бывший федеральный министр экономического сотрудничества и развития **Хайдемари Вечорек-Цойль** изложила в своем вступительном выступлении иное мнение. Сначала она подвергла критике националистические нотки, прозвучавшие в комментариях российских участников, и затем выступила за разработку многосторонней концепции сотрудничества в целях развития, имеющей нормативный характер. Насущные проблемы глобального мира, считает она, нельзя решить, если каждая страна будет думать о своей выгоде и видеть в проектах сотрудничества возможности для наращивания власти и демонстрации мощи. Скорее надо стремиться к тому, чтобы совместно и на партнерской основе разработать широкую концепцию развития, включающую в себя такие измерения как социальная справедливость, экологическая устойчивость и демократический политический строй. Первостепенными задачами сотрудничества **Вечорек-Цойль** считает, во-первых, регулирование финансовых рынков, во-вторых, противодействие изменению климата и, в-третьих, борьбу с бедностью. Эта повестка находит свое отражение, к примеру, в нынешней дискуссии в ООН, где на смену классическому сотрудничеству в целях развития в 2015 году должна прийти концепция «устойчивого развития».

**Вечорек-Цойль** призвала Россию взять на себя активную и конструктивную роль, которая соответствовала бы ее весу как единственного северного государства в группе БРИКС, которое в 2015 году даже будет председательствовать в БРИКС. Идею конкуренции в области сотрудничества в целях развития следует, по ее мнению, решительно отвергнуть. Поэтому докладчица выразила особое сожаление в связи с тем, что российское руководство в последние годы, кажется, пошло в противоположном направлении. Во время председательства России в совете «большой восьмерки» в 2006 году сотрудничество еще было хорошим, страна участвовала в международной инициативе по решению проблем задолженности и провозгласила Цели развития тысячелетия (ЦРТ/MDG) главным ориентиром своей деятельности. Принятая в 2007 году первая концепция сотрудничества в целях развития несет в себе явные элементы этой конструктивной фазы. Но затем Россия отошла от этих ориентиров и все больше рассматривает сотрудничество во имя развития как возможность для улучшения своего имиджа и продвижения собственных интересов, а украинский конфликт лишь усиливает эту тенденцию. **Вечорек-Цойль** подчеркнула, что вопрос территориальной целостности Украины оказывает огромное влияние на мировой порядок, и указала на то, что государства во все времена должны уважать нормы международного права. Угроза военной силой или ее применение не должны вновь стать инструментами политики, иначе мы рискуем столкнуться с «огрублением международных отношений», от которого Россия тоже не выиграет – это стало бы проигрышем для всех.

Несмотря на существующие конфликты новое разделение мира на Восток и Запад недопустимо. **Вечорек-Цойль** высказала мнение, что необходимо продолжить переговоры между Россией и ОЭСР, напомнив о том, что по-прежнему существуют работающие проекты. К ним относятся, например, созданные в 2013 году во время российского председательства в «двадцатке» рабочие группы, которые продолжают действовать. Но для этого требуется готовность Москвы соблюдать достигнутые договоренности и не злоупотреблять сотрудничеством как средством политического давления.

Затем докладчица возразила **Косачеву** по нескольким пунктам, указав, в частности, на то, что его критика политики США в сфере сотрудничества несправедлива. Она позитивно оценила создание агентства «USAID», поскольку теперь решения о проектах кооперации принимаются независимо от правительства и МИД США. Кроме того, не всякое сотрудничество в целях развития заслуживает позитивной оценки как таковое, так что российский вклад в международное сотрудничество в данной сфере должен рассматриваться в свете критики. Большая часть выделяемых Москвой средств направляется – преимущественно в форме двухсторонних проектов – в Центральную Азию, сирийскому или северокорейскому режиму, зачастую с трудно предсказуемыми и сомнительными результатами. По этой причине Россию нельзя назвать надежным партнером на международной арене. В ходе дискуссии **Борис Фрумкин** высказался против этих упреков и в защиту участия России в международном сотрудничестве в целях развития. В качестве примеров удачной кооперации он назвал российское участие в инициативе «большой восьмерки» «L'Aquila», которая продолжается с 2009 года и посвящена укреплению продовольственной безопасности. Россия активно поддерживает принятую в 2012 году на саммите «восьмерки» в Кемп-Дэвиде новую программу «New Alliance». На этом фоне Фрумкин выразил сожаление в связи с тем, что исключение России из «восьмерки» сделало невозможным ее участие в подобных инициативах: страдают от политических конфликтов, в конечном счете, нуждающиеся люди во всем мире. Он также подтвердил, что двухстороннее сотрудничество до сих пор показало себя как более эффективный и прозрачный инструмент и поэтому оно предпочтительнее, чем попытки организовать проекты с одновременным участием многих стран. Это не означает, что теперь не стоит уделять внимания согласованным на международном уровне принципам сотрудничества в целях развития; но они скорее служат рамкой, внутри которой отдельные государства осуществляют конкретную политику в целях развития. **Константин Косачев** также отверг упрек в том, что Россия якобы выбирает себе партнеров для сотрудничества в целях развития, исходя не из тяжести проблем, а из собственных политических интересов. С его точки зрения, политическая или военная значимость государства и для западных доноров, прежде всего для США, играет главную роль при выделении средств, что можно легко подтвердить следующей статистикой: шесть из десяти стран-получателей, которым оказывали поддержку США, получали также военную помощь. И тогда выходит, что о небольших, не столь значимых странах вообще «забывают», хотя необходимость в сотрудничестве с этими странами в целях развития очевидна. Так обошлись с Таджикистаном, Киргизией или Арменией, но в лице России эти государства нашли надежного партнера. **Косачев** указал на то, что аполитичного сотрудничества в целях развития просто не бывает, ведь решение о прекращении сотрудничества с режимами в Сирии или Северной Корее – это политическое решение, обусловленное оценкой государственных систем, исходя из собственных идеалов.

В завершение своего доклада **Хайдемари Вечорек-Цойль** попыталась дать ответ на, по ее мнению, центральный вопрос секции: что такое сотрудничество в целях развития – часть национальной внешней политики или общая международная задача? Она предложила тезис, что сотрудничество в целях развития только тогда может быть эффективным и может выполнять свою истинную задачу, а именно облегчать страдания людей, если оно будет отделено от интересов

правительства и от внешней политики. Поэтому на первый план должна выйти глобальная, многосторонняя ответственность, должен быть увеличен объем сотрудничества, и сотрудничество в целях развития не должно ставиться в зависимость ни от каких экономических условий.

**Эккхард Дойчер**, третий и последний докладчик секции, попытался найти середину между двумя предыдущими выступлениями и нащупать возможности для того, чтобы все-таки привести к общему знаменателю позиции, кажущиеся несовместимыми. Сначала он подчеркнул, что на глобальном уровне наблюдается немало опасных тенденций, требующих от всех членов мирового сообщества сплоченности и активных действий. Сюда относятся, например, потоки беженцев, бедность, терроризм, болезни и эпидемии или, наконец, изменение климата. При этом **Дойчер**, с одной стороны, подверг критике попытки России истолковать безопасность как узкое, обусловленное соображениями геополитики понятие, хотя за последние 15 лет сложился международный консенсус в отношении широкого понимания безопасности. С другой стороны, он расценил как «грубую ошибку» Запада решение приостановить переговоры с Россией о вступлении в ОЭСР и прервать диалог на многих форумах. Россия в будущем в любом случае будет играть очень важную роль в перечисленных проблемных областях, так что от диалога здесь никак нельзя отказываться. В этом пункте с ним согласился **Гюнтер Йотце**, заметив, что такие санкции еще никогда в истории не приводили к успеху. Это объясняется тем, что мотивом такой политики является прежде всего желание выразить негодование и наказать «противника» за его поведение. Но такая позиция не ведет к продуктивной проработке конфликта и приносит скорее противоположный эффект. **Йотце** выразил сожаление в связи с тем, что значительная часть общественности США, а также некоторые сенаторы требуют проведения политики наказания и отказа от диалога. **Владимир Назаров** также резко осудил позицию ЕС, высказав опасение, что в таких обстоятельствах сотрудничество в целях развития становится невозможным. В последние недели Брюссель принял много решений, которые могут надолго отравить отношения с Россией. В частности, заморожены конкретные проекты по таким важным для развития темам как торговля наркотиками или терроризм, хотя их связь с ситуацией в Украине не просматривается. Поэтому **Назаров** считает, что взаимное доверие пострадало столь сильно, что совместная помощь третьим странам на данный момент выходит за рамки возможного.

Продолжая свой доклад, **Дойчер** обратил внимание на то, что западным организациям, занимающимся сотрудничеством в целях развития, сначала следовало бы самокритично взглянуть на себя, поскольку нынешние формы сотрудничества в целях развития все больше устаревают. Он указал на то, насколько пестрее и разнообразнее стало поле организаций, оказывающих помощь в развитии: сегодня насчитывается около 250 государственных агентств, 24 банка развития, 40 ооновских структур, ответственных за сотрудничество в целях развития, а также около 400 тысяч отдельных проектов. Этот огромный рост числа участников ведет не только к конкуренции между ними, но и к отсутствию координации и энтропии в этой сфере.

Сегодня остро необходим процесс обучения, направленный на структуризацию сотрудничества, которая позволила бы сделать его более эффективным. Для этого **Дойчер** предложил разработать систему «peer review» для оценки отдельных проектов и обеспечения определенного уровня качества сотрудничества в целях развития. Кроме того, он считает, что нужно отказаться от терминологии, уже в течение нескольких десятилетий используемой в сфере сотрудничества в целях развития – в частности, от дихотомии «донор-получатель» - и заменить ее менее патерналистскими понятиями. Новая терминология должна стать основой нового глобального подхода, который повысил бы степень транспарентности, задал бы четкие параметры для проектов сотрудничества по всему миру и был бы ориентирован на социальные и экологические факторы. Первые ростки такого глобального порядка докладчик увидел в определении Организацией Объединенных Наций «Целей тысячелетия», высказал, однако,

критику в том плане, что не все страны соразмерно представлены в данном проекте. Излагая столь амбициозные предложения, **Экхард Дойчер**, правда, отметил, что разработка такой системы займет, конечно, много времени, в то время как в некоторых сферах – например, в деле защиты климата – нужны срочные меры. В то же время он подчеркнул, что медленное течение процессов – не слишком большая цена, если в результате возникнет глобальная система норм, которая послужит основой для эффективного международного сотрудничества в целях развития. В последовавшей за этим дискуссии **Константин Косачев** подверг, однако сомнению, что выработка глобальных директив по сотрудничеству в целях развития вообще возможна. Претензии к России в том плане, что она в последние десятилетия все больше отходит от признанных в мире стандартов сотрудничества в целях развития, несостоятельны, поскольку таких общих стандартов просто не существует. **Косачев** отметил, что даже страны БРИКС демонстрируют в этом вопросе совершенно разные подходы и хотят идти своими путями. На этом фоне становится ясно, что, хотя «Цели тысячелетия» заслуживают позитивной оценки, они все же являются очень общими рамками для индивидуальной, разработанной на национальном уровне политики. В ответ на это замечание **Хайдемари Вечорек-Цойль** высказалась в защиту ЦРТ ООН, указав при этом на то, что в них вполне конкретно описаны инструменты сотрудничества. ЦРТ – это нечто большее, чем просто риторика, их действительно можно рассматривать как систему международных принципов.

Затем **Дойчер** остановился на роли России и попытался конкретно ответить на поднятые **Косачевым** вопросы. Он сказал, что отход от международных проектов сотрудничества в целях развития не в интересах России. Страна должна обязательно продолжить участие в глобальных дискуссиях и в выстраивании «новой системы сотрудничества», ведь только так она сможет обеспечить учет своего мнения. Если важные национальные темы удастся встроить в международную повестку, то национальные интересы и многостороннее сотрудничество вовсе не обязательно будут друг другу противоречить. Более того: возникнет возможность согласованно осуществлять и то, и другое.

В конце своего выступления **Дойчер** предложил продолжить дискуссию данной секции в специальной рабочей группе, которая конкретно займется темой развития, что позволит осуществлять обмен экспертизой и опытом. Партнерами здесь могли бы быть МИД, Академия наук, GIZ или немецкие политические фонды. Создание такой рабочей группы могло бы показать, что диалог, несмотря на кризис, возможен в будущем. **Ханс-Йоахим Шпангер** поддержал в заключительном слове эту идею и еще раз призвал всех участников к тому, чтобы они на всех уровнях стремились к диалогу и распространяли информацию об обсуждаемых вопросах. **Шпангер** считает, что четыре центральных дилеммы – многостороннее или двухстороннее сотрудничество? Глобальная структурная политика и борьба с бедностью или национальные интересы? Глобальная ответственность или сотрудничество в целях развития как инструмент внешней политики? Имидж или действенность? – до сих пор не решены, причем не только в России, но и во всем мире. С учетом масштаба задач и неотложности проблем никак нельзя прерывать дискуссию, в которой всегда должно оставаться место для самокритики.

## Секция 5:

### Первая мировая война – больше, чем просто юбилей

Последняя секция нынешних Шлангенбадских бесед в связи со 100-летней годовщиной начала первой мировой войны была посвящена разбору причин и долгосрочных последствий этой войны для Европы. В своем вступительном слове **Райнхард Крумм** указал на то, что первая мировая война, к сожалению, по сей день представляет собой нечто большее, чем далекое историческое событие. В связи с украинским кризисом он даже высказал опасение, что континент снова подошел к черте, за которой любая ошибка – например, провал дипломатии – может повлечь за собой фатальные последствия. Поэтому следует положительно оценить тот факт, что события 1914-1918 годов привлекают к себе растущее и даже исключительное внимание. Это подтверждает, по мнению **Крумма**, тот факт, что книги на эту тему выходят большими тиражами – как, например, опубликованный в 2012 году труд австралийского историка Кристофера Кларка под названием «Лунатики». Между западно- и восточноевропейскими обществами существуют, однако, большие различия в восприятии тогдашних событий. Так, Херфрид Мюнклер убедительно показал в одном из своих выступлений, что героизация, патриотизм и готовность к войне в обществе, которые можно считать одним из факторов, приведших к началу первой мировой войны, теперь практически исчезли из западноевропейских обществ, но все еще играют определенную роль в восточноевропейских странах. В то же время существуют четкие различия в культуре памяти и в оценках исхода войны. Поэтому **Крумм** подчеркнул, что ему будет интересно послушать выступления историков трех разных стран – Германии, Польши и России – и больше узнать, как в этих странах видится значение первой мировой войны.

Немецкий историк **Клаус Вигрефе** начал свой доклад с наблюдения, что сравнение кризисных ситуаций с первой мировой войной и нагнетание страха перед «большой войной» возникали в последние годы уже не раз. Кларк, например, провел параллель между июльским кризисом 1914 года и неспособностью европейских правительств справиться с кризисом еврозоны. СМИ сразу же подхватили это сравнение – правда, на этот раз в контексте конфликта в Южно-Китайском море, причем сходство увидели между Китаем и Германским рейхом. Наконец, украинский кризис все чаще сравнивают с ситуацией накануне первой мировой войны, опасаясь военного столкновения между НАТО и Россией. **Кшиштоф Рухневич** также подтвердил тенденцию к сравнению нынешних конфликтов и первой мировой войны, заметив при этом, что прежде всего ситуация в Украине способствовала нарастанию подобных дебатов. Новый момент состоит, однако, в том, что на этот раз не великую державу Китай, а Россию, которую длительное время недооценивали, считают источником угрозы для глобальной системы безопасности.

**Вигрефе** остановился на значении, которое имеет для европейских обществ первая мировая война. С одной стороны, мир в Европе кажется людям недостаточно прочным, что нашло свое выражение, в частности, в словах федерального президента Гаука, который сказал, что, хотя Европа и далека от войны, но балканские уроки показывают, насколько быстро сосуществование народов даже в мирное десятилетие может обернуться «архаичными механизмами ненависти». Это широко распространенное недовольство, к сожалению, имеет, по мнению **Вигрефе**, определенную основу, ведь мир 1914 года во многом похож на нынешний: и тогда люди в Европе уже жили в глобализированных обществах, торговали со всем миром, имели научные и личные дружеские контакты, искали и находили работу в других странах, ездили по всей Европе. Тем не менее, эти связи не предотвратили политическую эскалацию.

Еще одним мотивом для изучения первой мировой войны докладчик назвал желание извлечь уроки из истории и избежать фатальных ошибок. Эта тенденция тоже не нова, начавшись непосредственно после 1918 года. Политику «умиротворения» в период между двумя мировыми войнами, например, можно объяснить только с учетом страшного военного опыта, который сделал предотвращение насилия важнейшей установкой тогдашнего поколения политиков. Во время кубинского кризиса 60-х годов одной из причин того, что Джон Ф. Кеннеди постарался понять

советскую сторону и позволил ей выйти из конфронтации, сохранив лицо, было обращение к опыту довоенной дипломатии. В то же время это показывает, что июльский кризис 1914 года можно интерпретировать по-разному, то есть, что чрезвычайно сложные и неоднозначные обстоятельства и решения, приведшие к началу войны, до сих пор еще окончательно не выяснены. Это затрудняет усвоение уроков истории. **Клаус-Дитер Бергнер** не согласился со столь пессимистичным выводом, высказав предположение, что нынешние общества вполне могли бы извлечь из истории полезные уроки, если бы они уделяли ей достаточно внимания. Затем он предложил три конкретных тезиса, которые могли бы стать основой для действий разных игроков в рамках украинского кризиса. Во-первых, государства даже в эпоху глубокой европейской и глобальной интеграции имеют собственные интересы, которые следует всегда учитывать в ходе переговоров. Во-вторых, **Бергнер** обратился к СМИ с призывом умерить «войну образов». На общественное мнение легко повлиять, и неправильное влияние со стороны СМИ может сильно помешать конструктивному разрешению конфликта. В конечном счете, ответственность политических руководителей состоит в том, чтобы не отвлекаться на сиюминутные тенденции и настроения, а ставить во главу угла долгосрочные цели мира и сотрудничества.

Далее **Вигрефе** в своем докладе остановился на вопросе вины за развязывание войны, подчеркнув, какое большое значение этот вопрос имел для политики и общественной дискуссии в Германии даже спустя десятилетия после войны. Глубинные причины войны были заложены в формулировках Версальского договора, где вся вина за развязывание первой мировой войны была приписана Германской империи. Несмотря на то, что автор этого текста – американский юрист Джон Фостер Даллес – считал его не моральной декларацией, а всего лишь стабильной правовой основой для выплаты репараций, в последующие годы немецкая общественность сильно политизировала статью об ответственности за войну. Таким образом, «версальская ложь о войне» повлекла за собой негативные последствия, косвенно способствовав популярности национал-социалистов. После 1945 года значение первой мировой войны не уменьшилось – напротив, в результате новой, на этот раз бесспорной, агрессии Германии при Гитлере встал вопрос о том, не обусловлены ли обе войны факторами, укорененными в немецком обществе. **Клаус Вигрефе** рассказал о том, что историк Фритц Фишер пришел в 1961 году именно к такому выводу, вызвав тем самым один из острейших споров историков в немецкой истории. В своей книге «Рывок к мировому господству» Фишер заявил, что правительство рейха в 1914 году не только в существенной мере способствовало началу войны, но и руководствовалось целями, аналогичными тем, которые побудили в 1939 году нацистов к нападению на Польшу. Такая оценка была равносильна дискредитации германского государства, поэтому оппонент Фишера Герхард Рихтер назвал его тезисы «национальным несчастьем», а федеральное правительство попыталось предотвратить их распространение. С другой стороны, тогдашняя общественность, на настроения которой влияли зарождающийся дух движения 1968 года и желание отказаться от концепций «рейха», «политики силы» или «нации», скорее была готова поддержать идеи Фишера.

Резюмируя свое выступление, **Вигрефе** отметил, что оценки первой мировой войны и ее причин в течение десятилетий не раз изменялись в зависимости от политических обстоятельств. Сегодня превагирует мнение, что конфликт был в первую очередь вызван коллективными ошибками великих держав и тех, кто от их имени вел переговоры. Это факт теперь надо снова воспринимать как урок для нынешней политики, чтобы снова не скатиться к большой войне – например, из-за украинского кризиса.

Вопрос об ответственности за войну и его роль в нынешней германской политике вызвал оживленную дискуссию. Так, **Петер В. Шульце** высказал предположение, что ответственность Германии за обе мировых войны до сих пор используется как инструмент, чтобы оправдать определенное поведение или же потребовать определенных действий. **Гюнтер Йотце** критически



высказался в том плане, что в прошедшие десятилетия комплекс вины и обусловленная этим комплексом сдержанность Германии лишили ее многих шансов. К счастью, Германия все больше отходит от этой позиции и играет все более активную роль в мире. **Андрей Zubov** отверг такую позицию, призвав к тому, чтобы ни в коем случае не допускать умаления ответственности за развязывание войны, а такие попытки после 1945 года предпринимались многократно. Тот факт, что немецкие историки, такие как Фритц Фишер, возложили ответственность за войну на Германию, является, по его мнению, их крупнейшим достижением: эта вина категорична и ни в коем случае не должна рассматриваться как инструмент. **Клаус Витманн**, пытаясь примирить оппонентов, заметил, что тезисы Фишера в ходе общественных дебатов были недопустимо сведены к вопросу об ответственности за развязывания войны, в то время как у историка он был встроен в удачный анализ экономических и социальных структур кайзеровского рейха. Эти аспекты нельзя упускать из внимания, если мы хотим извлечь из истории дифференцированный и информативный урок для современности.

Во второй части своего доклада **Клаус Вигрефе** провел сравнение между июльским кризисом 1914 года и нынешней ситуацией в Украине, приведя систематическую оценку общих моментов и различий. С одной стороны, он вычленил опасные параллели, которые указывают на то, что эскалация украинского кризиса, по крайней мере, не исключена. Взять хотя бы то обстоятельство, что ни одна из сторон конфликта вплоть до 1914 года не планировала большой войны, в доказательство чего **Вигрефе** приводит тот факт, что уже в октябре 1914 года обнаружился большой дефицит боеприпасов. Кроме того, в обоих конфликтах отсутствует идеологический компонент. Речь скорее идет о существенных интересах в сфере безопасности. В-третьих, Россия чувствует себя «окруженной» в результате политики НАТО и ЕС – так же, как ощущали себя Австро-Венгрия и кайзеровский рейх перед первой мировой войной. По этой причине – и в этом состоит четвертое сходство – наблюдается определенная готовность к рискам, особенно с российской стороны, которая находит свое выражение, в частности, в демонстрации военной силы. Наконец, и в этом докладчик увидел самую опасную параллель, стороны, вовлеченные в украинский кризис, зачастую вынуждены импровизировать, приспособляться к непредвиденным событиям и признавать, что неверно оценивали ситуацию. Именно эта неопределенность способна спровоцировать войну, которой вообще-то никто не хотел.

**Вигрефе** указал также на важные различия между обоими кризисами. Во-первых, в 1914 году люди были твердо убеждены в том, что война будет «недолгой и прекрасной», что заметно усиливало поддержку военной политики. С учетом памяти об ужасах двух мировых войн этот фактор сейчас, к счастью, отсутствует. Второе различие: в отличие от ситуации 100 лет назад стороны конфликта сейчас неравны: вооруженные силы НАТО явно превосходят российские, что снижает готовность к эскалации. К тому же мы, прежде всего на Западе, но также и в России живем сейчас в демилитаризованных обществах, которые особого героизма в гибели людей на фронте не видят. В ходе дискуссии **Штефани Вайс** подвергла сомнению тезис о том, что войны в «постгероических» обществах маловероятны. Свое возражение она подкрепила тем, что качество самой войны изменилось: на смену личным схваткам людей пришла техническая или кибер-война – например, беспилотные самолеты. Такие, по выражению Вайс, «постгероические войны» не требуют готовности к массовой гибели солдат на фронте. **Андрей Ермолаев** согласился с тем, что характер войны изменился. Важную разницу он видит в том, что борьба за территорию или природные ресурсы сейчас отошла на задний план, гораздо важнее стали социальное пространство и человеческий капитал. Поэтому кризис в Украине, например, следует рассматривать как конфликт идей и самосознаний.

Последним пунктом докладчик назвал изменения в мировом порядке, в результате которых война утратила легитимность как средство политики. Вывод **Клауса Вигрефе** состоит в

том, что эскалация украинского кризиса до большой войны между Россией и НАТО – несмотря на все параллели с июльским кризисом – вряд ли возможна. **Клаус Виттманн**, позитивно оценив столь подробный анализ, предложил все же проводить сравнение не с периодом, предшествовавшим первой мировой войне, а скорее с периодом между двумя войнами. В любом случае большое беспокойство вызывает тот факт, что, несмотря на опыт двух мировых войн, на учреждение ООН, ЕС и СБСЕ и многолетние исследования в данной области, до сих пор, кажется, не существует надежных механизмов деэскалации конфликтов.

Польский историк **Кшиштоф Рухневич** сосредоточился в своем докладе прежде всего на различиях культуры памяти в Западной и Восточной Европе. Для начала он выдвинул два центральных тезиса: во-первых, первую мировую войну следует считать не «пра-катастрофой XX века» - как замечательно сформулировал американский историк Джордж Кеннан -, а вехой, которая завершила «долгий XIX век» и сделала возможным построение нового порядка в Европе. Во-вторых, утверждение национально-государственного принципа и создание коммунистического центра надо считать важнейшими последствиями войны, в то время как рост фашизма и национал-социализма разве что косвенно обусловлены исходом этого конфликта. Так что распространенное толкование обеих мировых войн как «второй тридцатилетней войны» в Европе, в которой столкнулись либерализм и демократия, с одной стороны, и правый тоталитаризм, с другой, не соответствует реальным фактам. **Рухневич** подверг также критике другое популярное толкование, согласно которому первая мировая война явилась кризисом модерна, который европейские правительства не сумели разрешить иначе, чем путем эскалации напряженности до вооруженного конфликта. Такой взгляд никак не отвечает, как он считает, распространенному в Восточной Европе мнению, поскольку он не учитывает умонастроения того времени. Война была тогда легитимным средством политики и даже возможностью завоевать успех и хорошую репутацию, так что решение вступить в войну надо оценивать именно как осознанное решение, а не как акт отчаяния.

Продолжая свой доклад, **Рухневич** подчеркнул значение военных лет для стран Восточной Европы, посетовав на то, что эти аспекты находят так мало внимания со стороны западноевропейских обществ, политических и даже экспертных кругов. Он поставил вопрос о том, почему требования поляков, чехов или ирландцев о создании собственного национального государства воспринимались как «нарушение норм цивилизации», тогда как для немцев или итальянцев национально-государственный принцип считался вполне естественным. Хотя первая мировая война принесла массу страданий и потребовала огромного количества жертв, в коллективной памяти Восточной Европы она имеет также позитивный компонент, поскольку она окончательно сломала европейский имперский порядок и открыла национальным группам путь к созданию собственных государств. **Барбара фон Ов-Фрайтаг** также подчеркнула значимость национально-освободительных движений для начала и течения первой мировой войны и в то же время провела сравнение с нынешней ситуацией. По окончании конфронтации между двумя блоками на постсоветском пространстве вновь обострились конфликты, которые раньше в течение десятилетий находились в замороженном состоянии. Кризис в Украине может теперь приобрести прецедентный характер и дать толчок к нарастанию сепаратистских движений в других странах региона. В качестве примера **Ов-Фрайтаг** сослалась на очень нестабильное положение в Чечне и других регионах юга России.

Завершая свой доклад, **Рухневич** попытался ответить на вопрос, почему существуют столь большие различия в культуре памяти в Западной и Восточной Европе: в то время как, к примеру, Великобритания, Германия или Франция тратят миллионы на мемориальные мероприятия, СМИ в этих странах готовят многочасовые документальные передачи о позиционной войне на Западе, а группы школьников посещают военные кладбища в Вердене или Перонне, на Востоке Европы по

большей части царит тишина. Это тем более удивительно, если принять во внимание, что на восточном фронте было не меньше, а порой и больше погибших, а также явно больше военнопленных, что пресловутая газовая война началась в польском селе Болимов. В этой связи докладчик привел два объяснения. С одной стороны, он напомнил о том, что большинство восточных европейцев сражались не за себя, а использовались великими державами и были даже вынуждены воевать с собственными соплеменниками. Кроме того, война в Восточной Европе имела другие временные рамки: там она закончилась не в 1918 году, а гораздо позже. В Венгрии, например, в 1919 году дело дошло до революции и контрреволюции; в Прибалтике и Польше боевые действия продолжались до 1920 года; Греция и Турция были готовы подписать мирное соглашение лишь в 1923 году. Эти факты объясняют, что опыт войны был совершенно разным, поэтому различается также культура памяти на западе и на востоке Европы. В заключение докладчик призвал западных коллег принять «восточную забывчивость» так же, как они принимают «западную памятьливость».

Последний докладчик секции **Андрей Zubov** обратился к вопросу о том, какие уроки были извлечены из первой мировой войны и какие различия имеются в этом плане между обществами Восточной и Западной Европы. Он высказал иное мнение, чем **Клаус Вигрефе**, который сомневался в том, что история может чему-то научить, и подчеркнул необходимость внимательно изучать исторические процессы, сравнивая их с актуальными проблемами. **Zubov** посетовал на то, что первую мировую войну в России по сей день называют «забытой войной», хотя ее последствия для страны были огромными. Этот феномен докладчик объяснил тем, что революция 1917 года и последовавшая за ней кровавая гражданская война заслонили собой те военные события в сознании русского народа. В это время Россия утратила свою идентичность, так как новое коммунистическое государство было несравнимо с царской империей 1914 года. В эпоху переломов и перемен новые коммунистические политические элиты не сумели извлечь необходимые уроки из первой мировой войны и не смогли избежать ошибок, которые в будущем привели к катастрофе. **Zubov** назвал две важных причины конфликта. Во-первых, в предвоенное время господствовала недопустимая убежденность в том, что существуют «большие» и «малые» народы, то есть некая иерархия наций, подняться в которой должно быть целью любого правительства. В этой мании величия состоит, по мнению **Zubova**, значительная часть вины за развязывание войны; вывод из этого: национальный эгоизм ведет не к национальному величию, а к национальной катастрофе.

Вторая названная **Zubovым** причина начала войны была тесно связана с первым фактором и состояла в доминировании концепции нации, что породило неверно понимаемый, агрессивный национализм. Интересы государства были поставлены выше всего остального, в том числе выше индивидуальной человеческой жизни, так что даже война казалась легитимным средством, чтобы повысить значимость и увеличить географический масштаб государства. Правительства, общества и даже наука во всей Европе были охвачены этим безумием. Так, например, философы пытались оправдать подобные убеждения теорией о том, что такие христианские заповеди как «не убий» или «не укради» относятся к отдельным людям, но не действуют в отношении целых народов. **Zubov** подчеркнул, что такая фиксация на нации сохранилась и после 1918 года – пусть и в иной форме, она способствовала подъему фашизма в Европе и развязыванию новой мировой войны. После того как в 20-е годы была предпринята попытка дать отдельным народностям посредством плебисцитов право на самоопределение и снять довоенные имперские путы, быстро проявились недостатки такого подхода. Результатом плебисцитов стали нестабильные границы, таившие в себе конфликтный потенциал. **Zubov** оценил проведенные тогда с опорой на понятие «народ» плебисциты как одну из важнейших причин того, что фашисты и, в частности, немецкие нацисты вскоре добились успеха. **Александр Дынкин**, в свою очередь, подтвердил, что национализм имеет

вредные последствия. Они проявились в развязывании первой мировой войны, поводом для которой стало покушение сербского националиста; они проявились в Венгрии, где крайне правая партия «Йоббик» добилась больших успехов по причине не состоявшейся денацификации общества; они проявились также в Украине, где «Правый сектор», быстро завоевавший господствующие позиции на Майдане и в новом правительстве, ставит под угрозу единство страны.

Лишь после 1945 года удалось – по крайней мере, в Западной Европе – переломить опасное доминирование понятия «нация» и поставить в центр внимания отдельного человека. Точки зрения **Андрея Зубова**, это стало важнейшей основой для успеха послевоенного порядка, который обеспечил не только быстрый экономический и социальный подъем побежденных стран, но и учреждение первых европейских организаций – таких как Европейское объединение угля и стали. Другими факторами удачной политики союзников были отказ от репараций и пересмотра границ, план Маршалла по восстановлению разрушенных хозяйственных систем побежденных стран, а также широкая денацификация общества.

В отличие от этого позитивного примера Советский Союз не смог отказаться от принципов мышления XIX века, оставшись на ложных позициях национального величия. Отношения с восточной частью Германии и государствами восточного блока выстраивались не на основе партнерства и сотрудничества, а на принуждении и давлении, напоминая скорее отношения между господином и рабом. Логичным следствием этих отношений стали зародившиеся тогда антагонизмы, которые не преодолены до сих пор. К серьезнейшим ошибкам Сталина при построении послевоенного порядка **Зубов** отнес разграбление Восточной Германии, наложение высоких репараций, смещение границ – причем не только на территории Германии и ее стран-союзниц, но и за счет жертв гитлеровского режима, например, Польши, а также насильственное изгнание и переселение тысяч людей.

В завершающей части своего выступления **Зубов** указал на фактор, который, на его взгляд, самым негативным образом влияет на современную Россию: укоренение в общественном самосознании блокового мышления и вредного национализма. Он остановился на том, как в Советском Союзе принцип вождизма роковым образом соединился с коммунистической идеологией, опиравшейся на пропаганду и очевидную ложь со стороны политических элит. Так сложилось представление, что Советский Союз – избранная нация, где царят свобода и благосостояние, которой, однако, завидуют и угрожают опасные внешние враги – прежде всего на Западе. Первая мировая война имела для России, как считает **Зубов**, совершенно особое значение, поскольку она также привела к победе большевиков, открыв тем самым роковую коммунистическую главу в российской истории.

**Маркус Ингенлат** также подчеркнул наличие культурных различий между Восточной и Западной Европой, напомнив прежде всего о панславизме, который сыграл решающую роль в предвоенный период. **Зубов** в этой связи пояснил, что в этом плане между XX и XXI веками существуют явные различия. До 1914 года, а также в период образования национальных государств после крушения империй панславизм действительно имел большое значение. Это явственно отразилось в очень схожем оформлении национальных флагов или, к примеру, в том факте, что в первую мировую войну солдаты-славяне во многих случаях переходили на другую сторону и воевали за Россию. Сейчас же стало ясно, что схожести языков недостаточно, чтобы иметь общие интересы и представления. Наихудший пример в этом смысле – это насилие на Балканах между сербами и хорватами. Так что реальных различий между культурами нет – разделительной линией скорее является вопрос о том, сумело ли общество преодолеть тоталитарное прошлое или нет. **Андрей Зубов** охарактеризовал свой тезис о том, что культура –

это всего лишь фикция, в позитивном ключе, выразив надежду, что мнимые различия легко преодолимы при наличии достаточной воли к сотрудничеству.

Завершая доклад, **Зубов** обратился к актуальной ситуации в Украине, подчеркнув при этом взаимосвязь между событиями середины XX века и нынешним кризисом. По его мнению, описанное выше и прочно укорененное в российском сознании блоковое мышление и ощущение угрозы до сих пор не преодолены. Москва не понимает, как он считает, что стремление бывших советских республик к европейской интеграции не является антироссийской установкой или угрозой, и поэтому требует от этих стран ложно понимаемой лояльности. Именно в этом свете следует рассматривать роль России в Украине и, в частности, аннексию Крыма. Подводя итог, **Зубов** сформулировал два главных требования. Первое требование он адресовал российскому правительству и обществу, заявив, что надо, наконец, отказаться от блокового мышления и сделать интеграцию на всем европейском континенте важнейшей целью внешней политики. Второе требование было обращено к Западу. **Андрей Зубов** предложил отнестись с пониманием к проблемам российского общества и оказать помощь в необходимом изменении парадигм мышления. Подобно тому, как после второй мировой войны Германия не подверглась ненависти и наказанию за свое нацистское прошлое, а встретила сочувствие и получила помощь, Россию нельзя оставлять без помощи при переосмыслении ее истории. Только так – здесь **Зубов** подхватил использованную **Константином Косачевым** характеристику украинского кризиса как «кризиса непонимания» - можно мирно разрешить нынешнюю напряженность и организовать устойчивое, плодотворное сотрудничество между Россией и Западом.